

**РОМАН Э.М. ФОРСТЕРА «КОМНАТА С ВИДОМ»:
К ПРОБЛЕМЕ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»**

The article focuses on the problem of “one’s own” and “alien” in E.M. Forster’s “A Room with a View”. The author of the article shows how the interaction between “one’s own” and “alien” challenges social dullness, sexual convention and the undeveloped English heart.

Оппозиция «свое – чужое» присуща человеческому сознанию во все эпохи и имеет фундаментальное значение как для раскрытия содержания культуры в целом, так и для познания внутреннего мира человека в частности. Проблема «своего» и «чужого» – одна из ключевых в философии, социологии, истории, культурологии, литературоведении. Различение «своего» и «чужого» сводится к проблеме положения человека в окружающем мире. Человек не просто приспосабливается к среде, как это свойственно всему живому, но сам создает свой собственный микрокосм. Он также способен не только «выйти» за пределы организованного им мира в другой мир и определить свое отношение к нему, но и войти в «чужую» духовную жизнь, а, следовательно, способен познать иные миры. Это имеет огромное значение для создания и развития собственной культуры, так как своя культура, свой мир конструируется при соединении двух возможностей – «возможности ограничения себя от другой культуры (что и создает своеобычность ...) и возможности открыть себя другой культуре – возможности отделения и возможности взаимодействия; создается соединение открытости и замкнутости» [1: 5]. Мир «своего» обретает специфику, своеобразие только в процессе осознания мира «чужого», в диалоге с ним. Согласно, например, концепции диалога М.М. Бахтина, смысл культуры (как и личности) раскрывается, лишь соприкоснувшись с миром иной культуры. При этом происходит процесс взаимного обогащения при сохранении целостности каждой из них¹. Границы между «своим» и «чужим» текучи. «Чужое»² может быть познано в ситуации пограничья, когда «Я» выходит за собственные границы. Тогда возникает возможность преодолеть собственные

¹ См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

² Отметим, что «чужое» порой наделяется и враждебными характеристиками (чужой – враг). Как указывает Р. М. Шукуров [2: 25], природа «чуждости» основывается на противопоставлении аспектов этно-лингвистических (наш – чужой язык, раса), этико-вероисповедальных (наши – чужие мифологические системы и производные от них обычаи), быто-технологических (оседлый – кочевой образ, искусность – грубость технологий), пространственно-географических (близость – дальность, равнина – горы).

стереотипы, тогда, по словам М.М. Бахтина, рождается смысл³. Как отмечает С.В. Оболенская, неосознанное чувство каждого человека, встречающегося с чужим миром, заставляет его оценивать этот мир с помощью собственного опыта, на котором основываются критерии оценки чужого; идентификация Другого неразрывно связана с самоидентификацией [3: 82-85].

В данной статье рассматриваются взаимоотношения **между** «своим» и «чужим» в романе английского прозаика Эдуарда Моргана Форстера (1879 – 1970) «Комната с видом» (“A Room with a View”, 1908). Исследование строится на гипотезе, что взаимопроникновение «своего» и «чужого», примирение с инаковостью Другого углубляет самопознание «Я».

«Комната с видом» – семейно-бытовой роман, в котором (как, впрочем, и в остальных пяти романах Форстера), «основные коллизии сюжетов связаны с жизнью души» [4: 262]. В критической литературе романы «Комната с видом» и «Куда боятся ступить ангелы» (“Where Angels Fear to Tread”, 1905) объединяют в группу «итальянских» романов Э.М. Форстера (автор отправляет своих героев в эту экзотическую страну), однако в «Комнате с видом», по верному замечанию Н.П. Михальской, «психологический рисунок характеров ... тоньше, поступки героев мотивированы более убедительно» [5: 177]. Сквозным мотивом «Комнаты с видом» является отношение к иному, «чужому», как заведомо чуждому и низкому; при этом подчеркивается превосходство «своего». Нам представляется, что для героев романа с «неразвитым сердцем» (терминология Форстера)⁴ «своим» является только то, что позволяет им сохраниться и постоянно требует защиты от «чужого», которое следует избегать или уничтожать⁵.

Так поначалу поступает и героиня романа Люси Ханичерч; более того, «своим» она считает взгляд на мир, навязанный ей кузиной мисс Бартлет, и порой «...было ... ужасно не знать, думала она верно или нет» [6: 52]⁶. Сам

3 По М.М. Бахтину, процесс смыслообразования разворачивается в среде **Между** полосами бинарной оппозиции «Я – Другой».

4 Согласно теории автора о «неразвитости» английского сердца, английский национальный характер «страдает» сердечной «незрелостью», что мешает англичанину жить в «полную силу». См. подробнее: Форстер Э.М. Заметки об английском характере // Форстер Э.М. Избранное. Пер. с англ. Сост. Н. Рахмановой. – Л., 1977. – с. 283-294.

⁵ В философии вопрос об определении понятий «свое» и «чужое» решается по-разному. Так, например, К.И. Якимец (Якимец К.И. Свое и чужое // Вопросы философии. – М., 2003. – №11. – С. 28-42) полагает, что, поскольку невозможно поставить вопрос «Что есть Бытие?» (и, значит, невозможно на него ответить), человек не может определить себя в «целом», не может дать строгого определения «своих», «своего» и «чужих», «чужого». Далее Якимец пишет, что этот предел чисто логический, ибо визуально мы отличаем свое от чужого, добро от зла (речь, видимо, идет о «визуальном коде инаковости» (термин С.И. Лучицкой). Принимая во внимание вышесказанное, в данной статье значение терминов «свое» и «чужое» будет вытекать из контекста.

⁶ Перевод здесь и далее наш. – Д.П.

автор иронизирует, порой даже порицает такой «вид» из «комнаты» своего «Я»; взгляды и поведение Люси изменяются на протяжении романа. Используя терминологию Форстера, из «плоского» (“flat”) характера она превращается в характер «круглый» («сферический») (“round”). Эволюция Люси происходит в пространстве, представленным оппозицией «вторичный опыт» – «опыт непосредственный»; испытать последний (под непосредственным опытом мы понимаем личное переживание того или иного события) возможно лишь при выходе из «комнаты» «своего». Любопытно отметить, что действие романа разворачивается не только в рамках фундаментальной оппозиции «свое – чужое»; не менее важны и иные дихотомии, например: «белые бутылки с водой и красные с вином», виллы «Сисси» и «Альберт» и др.

С первых страниц романа Форстер показывает, насколько порой бывают сильны и абсурдны стереотипы «своего», сказывающиеся на отношении к «чужому»⁷. В одном из пансионатов Флоренции, куда прибыла Люси в сопровождении кузины мисс Бартлет, все «комнаты с видом», откуда героини могли бы любоваться панорамой города, уже заняты. Мистер Эмерсон предлагает им переселиться в «комнаты с видом», занимаемые им и его сыном. Люси и мисс Бартлет не знают, как отнестись к этому предложению. Следует ли его расценить только как любезность или переселение туда будет расценено как нарушение этикета? Знакомство приезжих происходит в гостиной, отделенной занавеской, за которой то и дело появляются и исчезают постояльцы: «она [Люси. – Д.П.] поспешила за кузиной, которая только что исчезла за занавеской ... » [6: 12]. Герои разыгрывают спектакль, в котором многим « ... сложно понимать людей, которые говорят правду» [6: 13].

⁷ Одним из удачных примеров стереотипизации Другого в романе мы считаем следующий: «Я [Сесил Вайз. – Д.П.] не встречал [курсив мой. – Д.П.] их [Мисс Тереза и мисс Кэтрин Алан. – Д.П.], но скажу, что они были бы нежелательными соседями для нас. ... Остерегайтесь! Наверняка они держат канареек. Сэр Гарри, остерегайтесь канареек: они плюются семечками из своих клеток, и от этого разводятся мыши. Остерегайтесь женщин. Сдайте [виллу. – Д.П.] только мужчине» [6: 113]. Здесь Другие наделяются отрицательными характеристиками; обычно мы наделяем Других качествами, которые отвергаем у себя. Подобное практиковалось издавна; особенно, например, в конструировании образа гендерного Другого. Женщине приписывали слабость и трусость, умственную ограниченность, склонность к соблазнению, неверности и лжи. Примечательно, что именно Сесил Вайз в романе стереотипизирует гендерного Другого; Форстер описывает его следующим образом: «Он был средневековым. Как готическая статуя» [6: 93]. Для средневековья было типичным такое отношение к Чужому: «У чужому є загроза тому, що ти маєш. Воно – протилежне, попросту негативне. У зовнішньому криються особливі небезпеки. Там господарюють чудовиська, велетенські монстри, неприродні істоти ... » [7: 465-466]. Символично, что глава романа, в которой Э.М. Форстер вводит Сесила Вайза так и называется: «Средневековый» (“Medieval”), а последняя глава носит название «Конец Средних веков» (“The End of the Middle Ages”). Именно в эпоху Ренессанса с обретением собственного самосознания начинается история осознания чужого; скажем так, открывается «вид» на него.

Несмотря на то, что за пределами пансионата находится инонациональное пространство, главные героини романа продолжают оставаться в поле своей культуры: «Шарлота, не чувствуешь ли ты, ... что мы в Лондоне?» [6: 7], или, например, «здесь [в пансионате. – Д.П.] вы [Люси и Шарлота Бартлет. – Д.П.] в такой же безопасности, как и в Англии» [6: 15]. «Чужое», то есть в данном случае инонациональное, представляет собой настоящую жизнь, без фальши и бедкерров, ведь «в Италию приезжают ... за жизнью», однако Люси наблюдает и оценивает происходящее вокруг глазами Шарлоты. Говоря словами Сесила Вайза, Люси “did develop most wonderfully”. По мере того, как разворачивается сюжет, становится очевидным, что такое развитие является псевдоразвитием (поцелуй расценивается как оскорбление, выражение своих чувств является непристойным, а, следовательно, вырабатывается отношение к «чужому» как к враждебному). Люси не может сама разобраться в своих чувствах; под влиянием Шарлоты она сначала избегает Джорджа, а затем порывает с ним в конце первой части романа⁸.

Итак, Люси окружена недалекими, эгоистичными людьми (мисс Бартлет, например, постоянно надевает на себя маску «мученицы», мистер Игэр проповедует о высоких чувствах, не имея своих собственных). Находясь в таком окружении, Люси научилась играть по таким же правилам, и, следовательно, она подавляет «эмоции, которые не вписываются в рамки условностей». Главная героиня опирается в основном на взгляды и суждения «сэкондхэнд». В таких же условиях происходило формирование «своего» и до приезда в Италию. В какой же степени необходимо наличие истинно «своего» для контакта с «не-своим»? Обратимся к теории И.Н. Ионова [8: 64-65]. Суть теории сводится к тому, что процесс познания «иного», «чужого» можно условно, на уровне метафоры, сравнить с рассматриванием изображения в зеркале. «Если собственный образ ... тускл, – пишет исследователь, – то Нечто за зеркалом неопределенно, раздробленно, нуждается в интерпретации ... » [8: 64]. А иногда этот образ может стать не то что непонятным, а пугающим и деструктивным. Так, например, записка младшего Эмерсона, обнаруженная Шарлотой Бартлет, «стала [для Шарлоты. – Д.П.] угрожающей,

⁸ В связи с этим интересным, на наш взгляд, представляется «лакановское» прочтение некоторых эпизодов в «Комнате с видом» и в других романах Э.М. Форстера, например, «Поездки в Индию». В «Поездке в Индию» Адела Куестед, говоря словами Ж. Лакана, получила «мгновенную картину собственного отражения». Азис обладает тем, чего не хватает Аделе: «ни Адела, ни Ронни не были физически привлекательными», а он был «невысоким красивым азиатом». Азис обладает недоступным ей, и удовлетворение желания Аделы может осуществиться лишь только в результате его снятия – разрушения желаемого объекта. Адела в романе и действует по лакановской схеме: она обвиняет Азиса в изнасиловании. В «Комнате с видом» мисс Бартлет, препятствуя счастью Люси и Джорджа (сама Шарлота не была никогда счастлива и любима), увозит ее в Рим.

отвратительной; она предвещала нечто дурное» [6: 18]. Представляется уместным упомянуть и опыт столкновения с «чужим» и других героинь Э.М. Форстера. Так, например, миссис Мур из романа «Поездка в Индию» в пещерах услышало эхо, которое, кажется говорит: «Пафос, жалость, храбрость – они существуют, но они не различимы, как грязь. Все существует, и ничто не имеет цены». Опыт встречи с «неизвестным» для миссис Мур оказался более плодотворным; ей, хоть она и умирает, удалось приблизиться, говоря словами Форстера, «к божественным вратам». В отличие от мисс Бартлет, героиня «Поездки в Индию» обладает «развитым» сердцем и представляет собой характер «сферический» (“round”). Оценивая творчество Э.М. Форстера, исследователь К. Грэм высказывает суждение, что Форстер «мастер небрежностей и манипуляций. Он основывает правдоподобие своих сюжетов на случаи, на везении и невезении. ... В произведениях Форстера со сценами насилия и неожиданными мелодраматическими ситуациями динамика действия подменяется медитацией, язык становится предметом эксперимента» [9: 64]. С этим можно согласиться лишь отчасти. Форстер отдает предпочтение «непосредственному опыту» (“direct experience”), даже если он порой влечет «насилие» или представляет для его героев «пограничные» ситуации. Такую «пограничную» ситуацию Форстер описывает на одной из площадей Флоренции. Входя на площадь, Люси думала, что с ней «ничего не произойдет», но «позже что-то все же произошло». На площади она стала свидетельницей убийства. Люси показалось, что «как и тот [убитый. – Д.П.] мужчина, она перешла какую-то духовную грань». На наш взгляд, Люси перешла «грань», которая ставит барьер между тотальностью «своего» и инаковостью «чужого»; более того Джордж убежден, что «произошло что-то существенное». Используя терминологию самого Форстера, жизнь Люси из «жизни во времени» (“the life in time”) начала переходить в «жизнь по значимости» (“the life by values”). Критик Л. Триллинг убежден, что со сцены убийства на площади «начинается разрушение их [Люси и Джорджа. – Д.П.] тюрем» [10: 87].

Если для Аделы Куестед (героини «плоской» и с «неразвитым» сердцем) из «Поездки в Индию» рассматривание себя в зеркале (под зеркалом мы имеем в виду Марабарские пещеры) повлекло психическое расстройство, то Люси не переживает духовную драму. На этот момент она уже на пути превращения из «плоского» характера в «сферический». Интересно, что зеркалом является книга мисс Лэвиш, одна из глав которой описывает встречу Люси и Джорджа и их поцелуй (отрывок из книги вслух читает Сесил Вайз).

Эволюция Люси – процесс сложный, порой противоречивый. Он происходит при контакте с инонациональным; Италия пробудила Люси; она дало ей «самое ценное из всего того, что можно иметь – ее собственную

душу». Однако не только инациональное оказало плодотворное воздействие на душу Люси. Этому способствовали и Эмерсоны; они показали ей мир со «своей странной точки зрения». Через непосредственный контакт с «чужим» («чужими») «мятежные мысли [Люси. – Д.П.] вербализовались – первый раз в жизни». Сложный и долгий путь проходит главная героиня романа. Сам Э.М. Форстер в «Заметках об английском характере» отмечал, что англичане осознают все слишком медленно; «англичанин выглядит холодным и бесчувственным, а на самом деле он просто медлителен» [11: 287].

Все герои романа находятся в духовных поисках. Если Люси поначалу пыталась искать смысл существования в «своем» («свое» при этом является *простой* совокупностью взглядов и точек зрения других), то трагедия Джорджа в том, что, он погружен в абстрактное; при этом “the things of the universe do not fit”⁹. У него не хватает смелости «взглянуть» на жизнь, которая иногда предстает то как тайна (“mystery”), то как хаос (“muddle”). Люси и Джордж помогли друг другу познать себя: “by understanding George you [Люси. – Д.П.] may learn to understand yourself. It will be good for both of you” [6: 32]. Свое «Я» ищет и Сесил Вайз. Герой с «неразвитым сердцем», он представляет для Люси перспективу без «вида»: «Когда я [Люси. – Д.П.] думаю о вас [Сесил Вайз. – Д.П.], то всегда представляю вас только в комнате». – «В гостиной?» – спросил Вайз. – «Без вида?» – «Да, без вида», – подтвердила Люси. Сесил смотрит через людей (“through”), а не на них (“at”). Облик Люси, например, ассоциируется у него с мадоннами с полотен Леонардо да Винчи.

Итак, герои в романе «Комната с видом» конструируют различные миры, свои микрокосмы. Одни живут в «безрадостном, унылом мире, ... мире предосторожностей и преград», такой мир представлялся автору романа миром без «вида»; иные стремятся увидеть «вид» полностью (“all the view”). Второй путь посилен не всем; герои должны выйти из своей «комнаты»; во взаимопроникновении «своего» и «чужого» совершается чудо самораскрытия «Я», что и подтверждает гипотезу данного исследования.

Список использованных источников

1. Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. – М.: Наука, 1994. – 336с.
2. Шукуров Р.М. Введение, или Предварительные замечания о Чуждости // Чужое: опыты преодоления. Под ред. Р.М. Шукурова. – М.: Алетейя, 1999.
3. Оболенская С.В. Германия глазами русских военных путешественников, 1813г. // «Одиссей». Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994.

⁹ “The things ...don’t fit”, ибо “nothing can be performed in isolation” («Поездка в Индию»); это происходит потому, что герои романов Э.М. Форстера не смогли “connect” («Хауардз Энд»).

4. Зарубежная литература конца XIX – начала XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / В.М. Толмачев, Г.К. Косиков, А.Ю. Зиновьева и др.; Под ред. В.М. Толмачева. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 496с.
5. Михальская Н.П. Пути развития английского романа 1920-1930-х годов. Утрата и поиски героя. «Высшая школа», М., 1966, – 272с.
6. Forster E.M. A Room with a View. L.: Penguin Books, 1976. – 224p.
7. Історія європейської ментальності / За ред. Петера Дінцельбахера / Переклав з нім. Володимир Кам'янець. – Львів: Літопис, 2004. – 720с.
8. Ионов И.Н. Судьба генерализирующего подхода к истории в эпоху постструктурализма (попытка осмысления опыта Мишеля Фуко) // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М.: Coda, 1996. – с. 60-81.
9. Соловьева Н.А. [Реферат] // Общественные науки за рубежом. Сер. 7, Литературоведение: РЖ. – 1989. – №6. – С. 61-64. – Реф. на кн.: Graham K. Indirections of the novel: James. Conrad a. Forster. – Cambridge univ. press, 1988. – IV, 225p.
10. Trilling, Lionel. E.M. Forster. – London: The Hogarth Press, 1962. – 164p.
11. Форстер Э.М. Заметки об английском характере // Форстер Э.М. Избранное. Пер. с англ. Сост. Н. Рахмановой. – Л., 1977. – с. 283-294.